

Тигран Туниянц
КРАЙ ДОЖДЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Пусть земля будет тебе ухом
(Нарождение)*

Мир натянут, как
капля,
прицелованный к кромке сосуда
влажный шарик из ниоткуда
никуда,
тонко вытянув шею,
дождевой запятой сорваться не
смея,
 тихо медлит,
а внутри, под присыпкою звёзд,
из не свитых мы падаем гнёзд.
 Одноногая
времени нас подбирает цапля.

бумага обёрточная,
под которой бирюльки душ и самое дно.
Всё пройдёт, но у времени нет зубов,
лишь шершавый язык, затирающий мелочь и фотоснимки,
оно,
как паук слюну, выпускает пыль и миг оставляет в глазу,
как соринку.

Внезапные заморозки, весенние всхлипы,
туман – старость воздуха,
косность дыханья.
Остистость эфира предоставляет речи права
на пронзительность и замиранье.

Разговор продолжается несмотря на погоду,
по два и по три продолжается разговор
про то, как на стыках метафор стучат колёса,
проливая на руки чайный раствор.

Форма
испытывает наваждение всех содержаний,
как канделябры столбы передач,
попробуй – дунь,
телепортируют тот же свет,
проливая с люстры его латунь.

Сознание – плавательная перепонка,
мембрана, чтоб не коснулось
крыла крыло,

День накренился и вытек
в узенькую воронку
или галку,
точно не помню,
какую-то птицу дымоходного цвета,
которая,
расшевелив зеницу,
юркнула мимо, закравшись в память,
в то «ау»,
на которое - нет ответа.

Утро створаживается в туман,
вода зацвела в лоханке,
когда-то так зарождалась жизнь,
теперь так начинается осень.
И скрежет ложки по дну металлической банки
пробуждает быстрее, чем крепкий кофе,
заполняя рассветную пустотелость,
спутывает ворох касательных в дебрях
человеческой геометрии
пуще прежнего, так,
что нервам, проснувшимся,
оголтелым, едва ли успеешь выписать метрики.

Знаешь, из документов дрожащей реснице сродни
только вид на жительство.
Слёзы – вот где река с повтором,
оттого-то ладошку нужно зажмурить в руке
так же крепко, как монету держать вору.

Рябь бежит, кажет рёбра влага,
кромку берега жадно волна глотает,
комариные струнки и ворс осоки
шепелявость ветра на ус мотают.

Слеза развлекает себя по щеке катаньем,
крики чаек, окончательно стая,
обнаружат себя (по истечении) скрипом двери
или невнятицей бормотаний,
в плену которых, лаская изнаночку совпадений,
поцелуем, как пенку с кофе, не стянешь тени.

В затылок бумаги забросив леску,
всё чаще ловишь коньков,
хотя иногда везёт, и тянет кисть
окунёвый автограф всплеска.

Всё само по себе – в этом либретто тира;
волны – сборище век – пустоты,
приоткрыв волчок, выясняют,
сложившись витком пломбира,
что пространство – и есть зрачок.

Капля не точит – камень своим отраженьем ранен.
Пальцы, под озеро вползши, дрожат, как ветки.
Тебя не трогает, что ж, здесь тем ближе, чем
безответней.
Ты за тридевять, я в прожжённой до дыр панаме
наблюдаю, как грань рассвета разворачивает
пространство,
пряча из виду веснушки ночи,
и озеро щебень встречает клюющим «глынь».
Я ставлю иглу на убегающий обод света,
и плевки облаков, растворяясь, линяют в синь.

Пропусти мимо ушка и эту нитку,
взгляд цепляется за перекладину,
дыхание – за проём.
Одoleвая слепки, мы застреваем в свитках,
И, рифмуя уста, - устаём

Геометрия тени, сквозняк и эхо – всё пути амальгамы,
но манит зияние блузки.
Если ракована в воде,
сердцем с ума не съехать.
Я скребу мел бумаги, обводя завитки моллюсков.

Рябь бежит по обойной гуще,
разряжаясь орнаментом перепутий.
Сам не свой след
чешуйкой слущен.
Не оборачивайся, станет трудней нащупать.

Лист латает проёмы ветра, изгибаясь в сетях прожилок.
То отвага иль отголосок чуда? Ты не слышишь меня.
И всё же...
Лоскут пространства, что мной ухожен,
водосточную впитывать будет влагу,
покуда голубые деревья шумят под кожей.

Здесь сыплется труха воспоминаний,
идёт обряд раскованного сна,
заложник пазухи – голубожилый камень
пульсирует у райского виска.

Секутся стрелки в циферблатном корте,
и где-то там, на звуковой меже,
дыханье крепнет в тростниковой хорде,
и дым кроит пространство или же

является самим пространством,
но чтоб уютный расхрустелся лёд,
пора, как скальп, срывать протуберанцы
с тех, кто там крошки времени клюёт.

Превозмогая горечь утра, ты
выходишь в парк и,
разминая рассвета размагниченную тьму,
улавливаешь, что
белки кариатид напоминают стан замочных скважин,
просверленных в гортани звуком – «лю».

Статуи – существа целиком из кожи,
поэтому неподвижны под натиском ощущений,
от мороза скукожившийся прохожий застывает и
жаждет речи,
но из того, что зримо, её не следует.
раз-лука для херувима, как всё сподручное, незнакома,
слёзы злят очертания, у горла кома.

К какой-нибудь нимфе, дождевою за ночь покрытой
лимфой
и ухваченной за белую грудку кленовой дланью,
припечатываешь парочку соответствий,
всепоглощение – признак стихийных бедствий.

Мраморная малышка внимает технике отчуждений:
слепки, себе подобными обрастая,
мимикрируют в промежутки, танец притягивает движение,

но аргументы хлипки,
и становится жутко за крепостные валы рассудка.

Пусто в парке,
перебирая ботинком листву с гнильцою,
прихожу отстоять пространство,
в которое я не прошен,
с трудом отходят дубовые, как с конверта – марки,
асфальт скрипит, собой огорошен.

Я увяз в межглагольных вяках,
принятие лишений речевых конструкций
и прочей вербальной мощи помогает смекнуть,
что ты и я, как Тот Всё...
ну, ты понимаешь, в общем.
Он бежит от себя, оставляя следы вращений.

«Любимая» – других координат не осталось вовсе,
мир заносит
тем белым, от которого слепнет осень.
Скрипы, стужа, следы, полозья,
хрумящая белизна разломленного яблока – зима.

Слышишь, нас окружает смута снежинок палых,
хрупкий вальс мошек, немых, подпалых.
Старый свет порывают лучей морщинки,
в темноте загораются душ личинки.

Вдох глубокий, к словам подкравшись, сводит их
вес - на нет,
обернувшийся миг безупречно ясен,
ожидание – бред.

Ж-ж-ж – в пространстве кружат снежинки,
белый трассер, секунд тропинки,
и пока ещё мы не подключились к рою,
позволь, я тебя укрою.

Вешним светом орошая ломкий волос,
подбираясь к отражениям на «цы...»,
уловить, как дрогнет тонкий холст,
и как звук домой уводят бубенцы.

Слоятся почки, в каждой туго свёрнут
зеленоухий заяц – мылкий вздор,
и медленные памяти каточки
выдавливают прошлого раствор.

Ты помнишь – улучив мгновенье,
питаюсь комариным узким светом,
испытывая притяжение на прочность,
мы листали лето.

Кичась проворством нежных жалок,
не чуяли, соря слезой,
как строго озеро молчало,
и голос долго звал домой.

Слёзы.

Из прозрачных ледяных кореньев,
вызревших на кромках ржавых крыш,
слёзной дробью истекает время,
расширяя рёбра, лужи дышат.

Половодье – для зрачка раздолье,
всхлипывает нежно каждый шаг,
люди, как замочных скважин строй:
ключ с той стороны дрожит в них.
Иногда – сквозняк.

Муравьиною иноходью пробирается скороход,
подминаем травую, в прожилках листа плутает,
расставаясь с возможностью обретасть,
как наживку, лампочку глаз глотает.

Час неровен, с озера дует ветер,
штукатурка покрылась гусиной кожей.
Он в ответе за данные людям сети,
мы в ответе за тех, кого от себя отучили,
что, в общем, одно и то же.

Кипятильник в стакане – тепло, бегущее по спирали,
суть – стремленье обнять, которому, к счастью, вняли,
потому как дело имел с водою,
а у неё собою оставаться
видимой нет привычки.

ШЕРОХОВАТЫЙ ВЫСТРЕЛ

Куриной слепотой курок взведён на время,
молочной пенкою подёрнутое темя
и дуновенье, и глоток.
Здесь, в распредмеченном пространстве,
прикосновенье, а не тренье,
и в млеющем непостоянстве
сквозит биенье, а не тленье.
Штрих паутинный, сонность уголька,
и в разряжающейся строчке
чую
порханье мотылька.

Архитектура перелётов птичьих
в морозном воздухе обходится не без
попыток грифеля постичь их
клинопись на бересте небес.
Свет холодит пространство
внутренней пыли,
выясняя её тем самым,
как ошибку в тетради,
дыхание обводит паром,
и на поля
выносятся – *были-жили*.

Наберегу себе воспоминаний,
чтобы в горсти шершавым пузырьком ,
они пространство занимали
своим неприхотливым говорком.

Краеведение дней минувших,
жухлых листьев сыпучий рай,
окаменелостей мела кучи,
сам нарыл – сам себе Клондайк.

Если есть, что делить,
значит , есть, что предвидеть,
дрожит слово «бабочка» под рукой,
воспоминание – мерцание алфавита,
и память – колокольчик надувной.

ВСЁ ГУСТОЕ

Соглядатай зрачка по касательной рыбьего крика –
целлофановый сгусток,
что мнётся, под теменью,
спуска себе не давая,
тронется,
распуская блики из упряжи сонной конницы.

От земли отрывается небо – дождь,
влага трав, корневища сырых разъятий,
наводнение воздуха,
если барышня рядом – взять её!
Плач накинув на плечи дитяти сей,
осмотревшись, ты произносишь – клей!

Дело не в шаге, а в том, насколько
сточен каблук дыханья,
весенний стрелок ждёт пробуждения мушки,
проводившись, сталкиваешься с латаньем,
вняв откровеньям ситца, и, себя нашептав на ушко,
обращаешься в проходимца.

Время в форме – иного и ждать не стоит,
столько грести в спасательном центре круга,
ещё б не окрепнуть,
но всё пустое.

Ты целуешь подругу, кистью кроя колени,
зудит целлофанчик, и многоточье небес
сгребает ковшом телега,
ближе к точке отсчёта свет коротает тень,
и на полюсе не рассчитаться с Негой.

Канатоходец – телефонный голос не спугнёт тебя,
ввалившись сквозь дымоход,
в образовавшуюся наклонность мигом душа утечёт.
С тех пор, как я истекаю мыслями, не решаюсь тебе
звонить.

Помнишь,
как ела клубнику с моей руки,
в нежнейшую из паутинных оболочек мозга
я поймал дражайшую из цокатух.

Помнишь,
каким стеариновым воздухом
наполнялся летательный шар наших лёгких,
как крался дух.

Помнишь,
между ключиц...
Пространство воды меж разводящихся двух мостов
служило точкой отсчёта странствий,
как наркоману
созвездие гончих Псов.

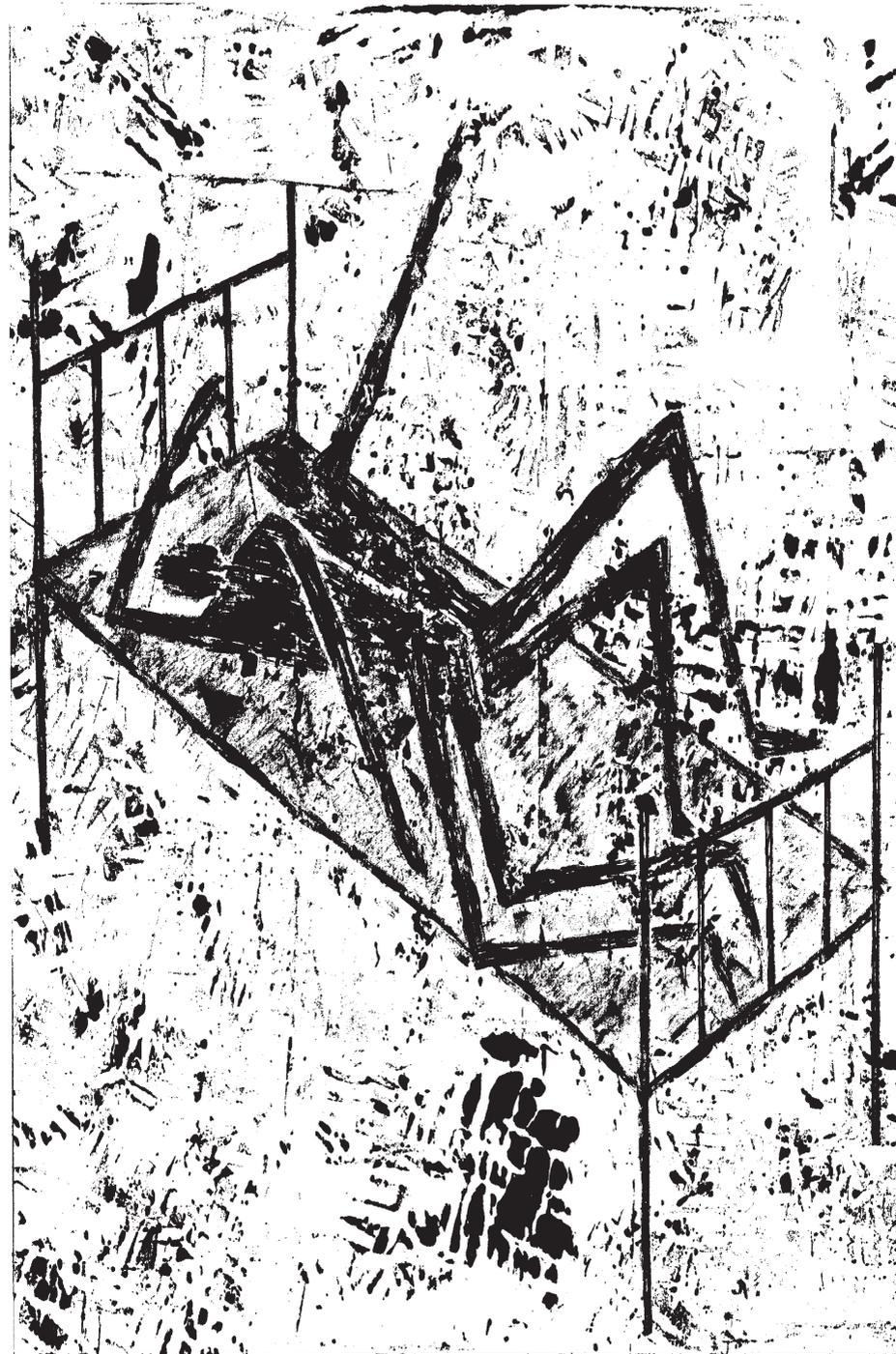
Помнишь,
полдень, постель, «хватит валяться!»
и уязвлённость зияющих родничков,
видно, людям свойственно ощипаться перед тем,
как творить любовь.

Помнишь,
ушла ты,
потом уж латы,
а не поцелуи покрывали от шеи до пят.

Помнишь,
я не успел сказать, что прозрачность –
не основное свойство,
и чем мельче вода, тем виднее камни,
а теперь в глубоководном пропойстве пишу: «Зимой готовь
сомнения, а летом сомни».

Помнишь,
не линии – для руки,
а для линий – рука.

Не помнишь, конечно, ведь не было ничего.
Я позвоню, ты опять пожелаешь:
«ни пуха!» - и... не Пьеро.

ПРОГУЛКА ПОД РУКУ

От капли бензина слоёная радуга в луже,
пережёван и съеден билет на счастье,
угол зрения, как раструб штанов, обужен,
сетчатка вмещает причину, пространство, время,
тебя отчасти.

В наши дни, чтобы Богом стать,
не одаривать нужно уметь, а грабить,
кресты на церквях, как антенны, принимающие благодать:
наши пальцы сплелись, чтоб не тянутся гладить.

Облака чистят небо зубною пастой,
но зачем тебе ехать из облупленного двора,
где на верёвочках сохнет бельё, и простыня мелькает,
как лейкопластырь,
на стёртой пятке убегающего «вчера»

удаляешься, что ж, я шлю тебе воздушные
сопротивления и тихое из-под лопатки детское «и-го-го»,
родная, мы все – это лишь точка зрения
Бога со стороны на себя самого.

Я привык к отсутствию тебя,
как привыкают глаза к тёмной комнате.
Оставляю в карманах ненужное осязание,
беру в подмастерья слух, обоняние, чувство голода.
От грубости очертаний и расположения полочек
взвинтившись, сцапаю то, что не видят глаза,
почувствовав запах от книжных корочек.

А наутро, грея ладони стаканом чая
и по серости галок разбирая на тех и на этих,
испугаюсь, уже не того, что на письма не отвечаешь,
а того, что можешь ответить.

Сидя на кухне в огнях горелок,
целую окружность клюквы,
выбираю метафоры, стало быть,
облегчаю смысл,
усемеряя значение буквы.

За окошком тополь,
и в этом году на нём птица гнезда не свила,
но если я – дерево, то обручён своими годовыми кольцами,
теми, что множась, от камня, заброшенного в сердцевину,
расходятся,
но как любое человеческое горе
распознаётся только посредством спила и слов бессонницы,
в ряду которых имя твоё – добрая треть,
а остальное – его отражения от стен и груди.
В это самое время
буквы корни пускают.
Если можешь, меня расти.

Когда такой туман на город,
ландшафт теряет самообладанье.
Я потягивал воздух, казалось,
жую бумагу, и ко всему примешивался
целлофановый призывок.

Так, вероятно, известкуется пространство,
так, точно, костенеет память,
хотя, возможно, прежде чем утюжить своё творенье
Бог прыснул на ткань водою.

Не знаю,
природная говорливость
одолевает зрение.

Свет беспредметен, ему без вещи,
как без воздуха, невозможно.
Знаешь, олегам вещим
стоит понять, что истина – ещё,
ох, как приложна.

здесь уже холодает, я глотаю коллоидную дымку,
носком ботинка щебёночку теребя,
пакет шуршит на ветру глянцевой кожей,
растворённый в тумане, чувствую, как теряю тебя
и как на себя становлюсь непохожим.

ПОУЧЕНИЕ КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

I
Вначале были нити, и нити были тенями,
потом сгорел город, и появились заросли чая.

II
Соломенные шляпки и шелесты Саломеи
уже никого не пугали,
а птицы, как прежде, пели.

III
Ток бежал по фалангам,
легион обращая в бегство.

IV
Рим и реальность, надев сюртуки и панамки,
надсознание запеленали в детство.

V
Кажется, проскочили,
и теперь наши силы нам впору,
и приют земной довольно уже подсолон,
но Волк поспекает к шапочному разбору
и остаётся этим доволен.

VI
Что ж... пора в пещерах метафор скрываться,
но путь к нам недолог тому, кто с вершины спустится,
так что, девочка, не горюй,
за верёвочку дёрни, дверь и распухнет.

Уравновесив шторы на гардине,
ты развела руками скобки дня.
Знак препинанья (ноль располовиненный)
стал прорвою, вместив тебя, меня.

Сквозь объектив окна на мне сошёл свет,
в цилиндрике лучей полощутся пылинки,
ты смотришь ретро, сжав рукой билет,
а я в кино
растянут на простынке.

В расчёт мы брали нас обоих
да то, что
не уселось на шесток,
а вертикальные полоски на обоях
в моих глазах держали потолок.

И хотя расстояние может меряться словом «завтра»,
я теряю из виду перемену твоих походок,
и всё ж я скажу тебе то,
чего, отплывая, не ведали аргонафты:
- Расставание - это раскрытие скобок.

У Сороки-Вороны я оказался пятым,
голодным, несогнутым,
торчащим вбок ,
приспособленный, видно, к тому,
чтобы годы кряду вдавливать в стену дверной звонок.

Когда не хватает манки, ешь то, что попадает под руку,
с тем вприкуску, что сходит с рук.
В ожидании голодного обморока подпиливаю
пресловутый сук ради дров,
обгоревшись теплом которых, я сумел стать
сродни, ближе, короче и неоткровенней с тобой.

Но пускается кровь после слова «либо»,
и ты расправляешь письмо,
разглаживая рукой
прожилки
моих линий сгиба.

АНДАЛУЗСКИЙ ПЁС

I

Изменился ландшафт той местности,
где компас упрямо тычет на «послезавтра»,
головоломка там – признак «лестности»,
а манжета трубы водосточной висит,
как забытый костюм сбежавшего астронавта.

II

Когда умрёт кто-нибудь из домочадцев,
упавши с лестницы, там скажут:
- Урон – тоже форма приобретения.
Потом запунктирят дожди,
и над стилем
будет глумиться стихийный демисезон,
а на плакатах напишут:
«Широта взглядов – это вопрос углового зрения».

III

Но ты не гостишь в тех краях,
видимо, нет корысти,
строчит осень холодной иголкой.
Мы прижимаемся в профиль к телефонной трубке,
и азбукой Морзе текут обмолвки,
вытикивая минутки...
Но средство связи бессильно
сложить из двух половинок анфас,
и я развожу руками перед идеей
«разреза глаз».

Твои письма доходят уже с одышкой,
то ли стала длинней верста, то ли кисть слабее,
а я с пятипалым градусником под мышкой
гляжу, как стена спотыкается о батарею.

Видимо, в жизни стен,
а также в вопросах любви и строчек
всё упирается в переносимость,
и душа (это раздолье для комариного носа)
нередко впадает в немилость.

Уши твои так надёжно заложены новым шумом,
что, возможно, всё дело не в перемене высот и давлений,
а просто «тик» «така» дожждаться не может,
и чашка из рук не падает, а вырывается,
и в человеке нельзя оставлять закладку,
и иногда от перемены мест неслагаемых
изменяется сумма
украдкой.

пересечься могут на улице и вокзале
и, конечно же, в телефонной трели.

В общем, пора мне рвануть в твой город,
где раскрепощённость развалин
легко передаётся воображению,
как гусиная кожа от пальцев холодных к талии,
как от серафимов к душе – шестикрылость движения.

Полвечер, черномазо шаркает карандаш,
зашивая нового альбиноса,
шумит батарея, выглядит, как патронташ,
и от Этого ей не дожидаться к себе вопроса.

Вспоминается горное озеро, всплеск и рыба
серебрится в прыжке,
словно иголка на четверть мига
с изнанки выскочившая в стежке.

Вроде мелочь, азартик зрения,
гадание рыбами по воде,
и всё ж помогает угадывать - где я
и в какой тебя нет руке.

После стольких лет недомолвок
двое могут что-то понять,
отложив лобзание, к примеру,
что всякий тупик – есть ни что иное,
как застывшее опоздание.
Или что две прямые,
взятые в паре, как бы ни были параллельны,

Суховей ожидания сминает дорожные петли,
табор пыди приветствует конокрада.
Катит в поле, не встретив кегли,
то ли дерева сгусток, то ли сжатая в ком бумага.

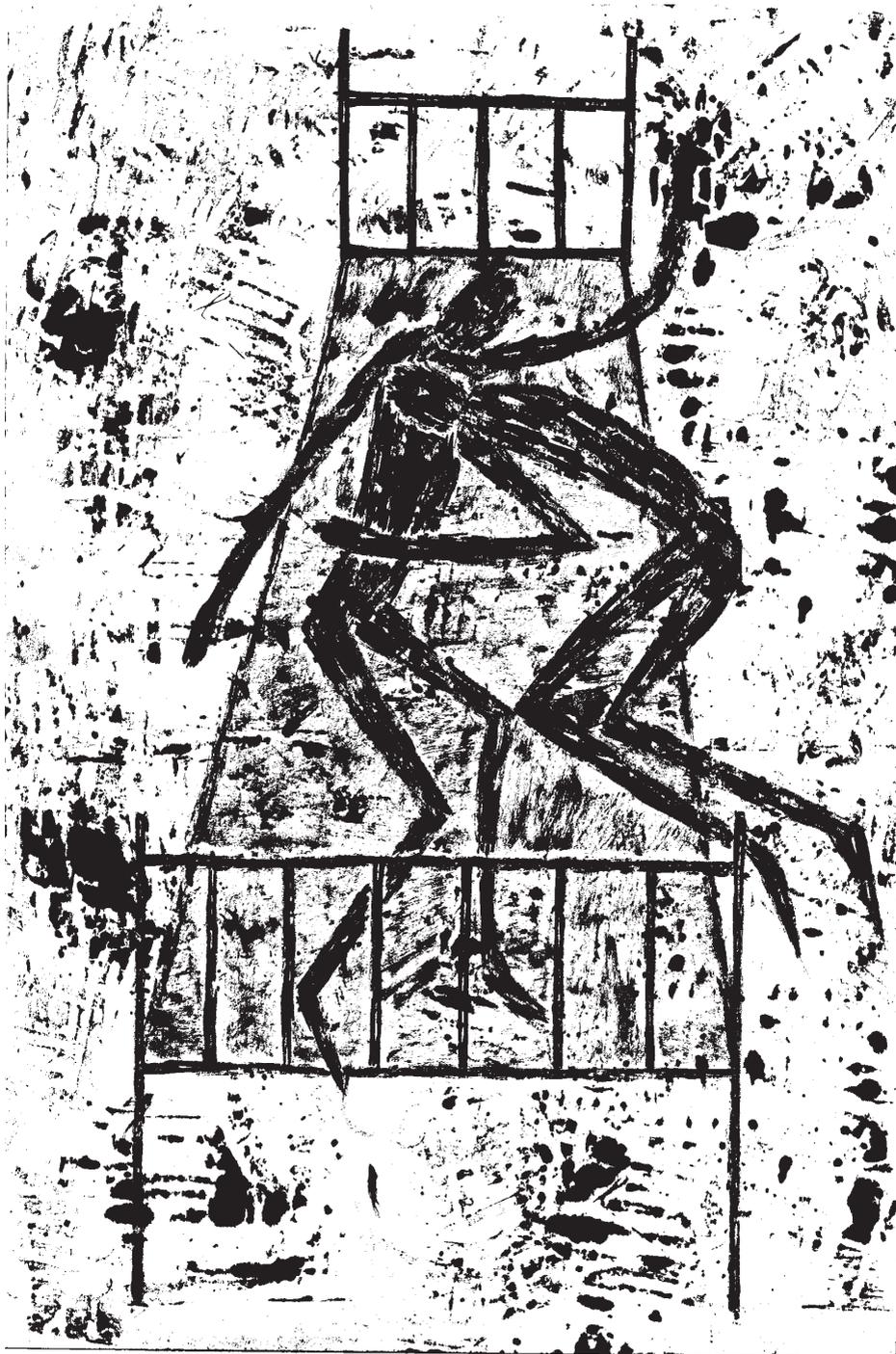
Вот откуда берутся этих хмурых причуд переливы –
топкой памяти спелые клюквы,
лёд бумаги не сдерживает следопыта
от надрыва и превращения в букву.

Время дрогнет, ежели ждать осечки, как,
заблудившись, - гида,
когда брошенный щебень озеро затягивает в чулок,
когда листья, как настезь раскрытые рыбы,
ловят воздух в сети своих прожилок.

Спросонья
носом клюю запахи.
Дыхание оборвано
неспелым
«штрих-штрих».
Животные света, мохнатые лампы их
меня обнимают.
Я - затаился.
Я - стих.

Метаморфозы озорных окраин,
где отраженьям некуда податься,
где лёд себя перерастает,
где можно вброд поцеловаться.
Там кружевным зарокм клеен
последний луч к последней тени.
Там слухи в мыслях прячутся,
и, может,
 мы там не таем,
 на границах кожи.

МАЛАЯ ТОЛИКА

То ли лик, то ли лист,
то ли свет, то ли свист,
то ли струйками льётся вода,
то ли волосы, то ли слова.

Тронь тропу, и она заскрипит калиткой,
приглядишь, «вместо замка – улитка».

Наступают сумерки на всё остальное,
на млечных путях подорожник дороже дорог,
колет ноздри воздушная хвоя,
месяц – из рога вино выпивающий рог.

Сны выстроены по страшенству,
лопатки перекапывают спину,
я вензелем звучащим ворожу,
а ты идёшь всем небом – то есть – мимо.

ПСИХОАНАЛИЗ МОРФЕЮ

Мухи совести гнёзда свивают.
Тихо под веками льются глаза.
Снов невещих вообще не бывает,
сонность вещи вещественней сна.

Земля из-под ног уходит,
и на водной глади тоже не устоять,
когда слёзы глаза подводят
и капают зёрнами в перекошенную тетрадь.

Земля становится водою, и гнутся стены грациозно,
когда расправлена ладонь, и тает в ней снежинка
звёздно.

Сердце бьётся раз в мгновенье,
а осколки это время
Августа.

Мир летит божьей косточкой в лоб олений,
кому - духовое ружьё,
кому - пятистволку сирени.

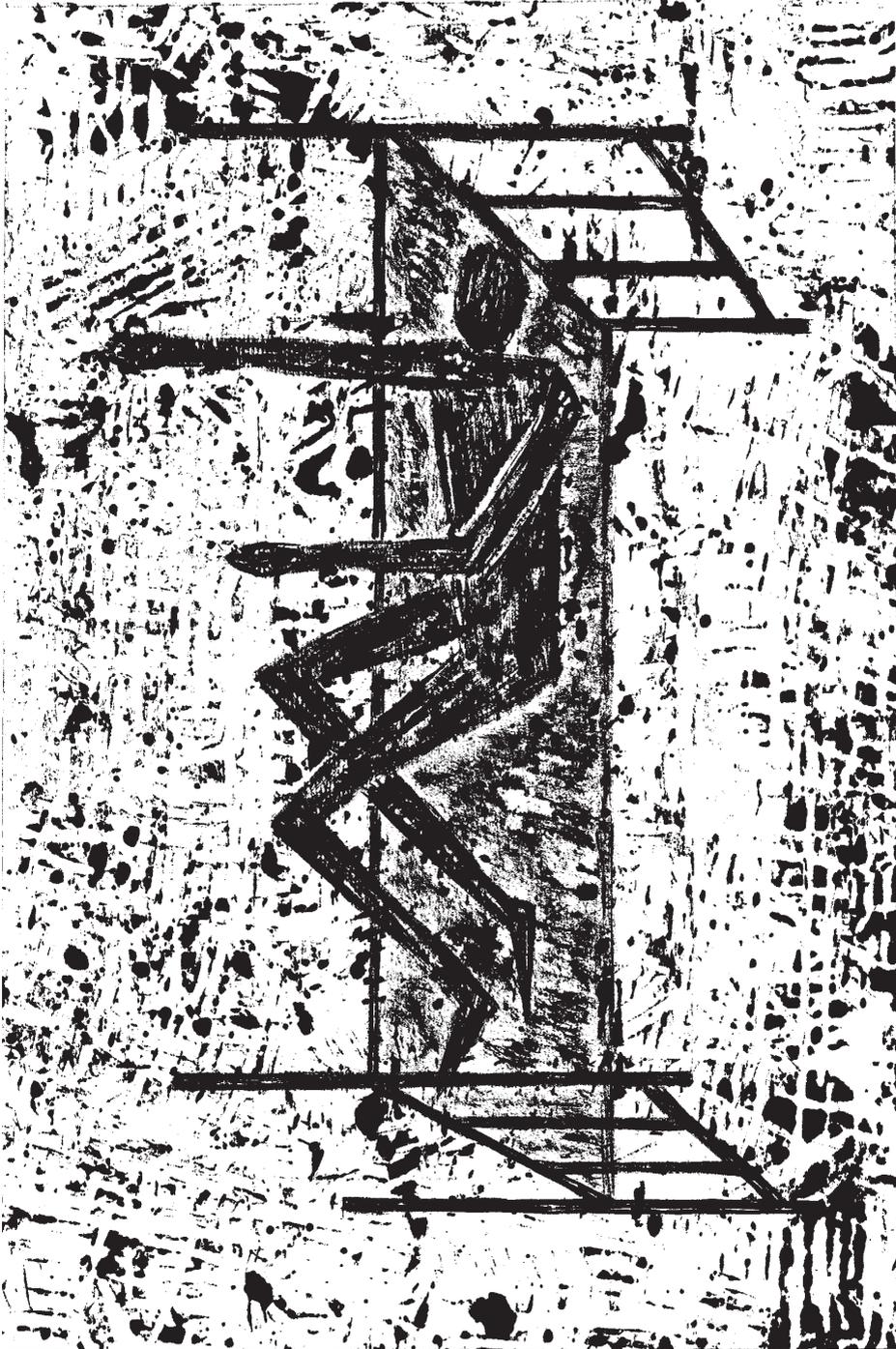
Дождь гладит лужу против шерсти,
и она урчит, показывая клыки,
так часы глядят время,
по нему пуская круги,
и точь-в-точь как мурашки бегут по спине,
пляшут маленькие черти по передёрнутой воде.

Стук сотен тополиных пяток
выдавливает ночь из тёмных ягод.

Дышу сквозь пальцы, слово бьётся чаще,
порывы ветра ниткой не прихватишь.

Стрекозы рассвета за створками окон окон ?
мимикрия мира, навязчивость локонов,
всё покрывается клейкой любовью,
взгляд от души отпрослоен и плотью, и кровью.

Вещь, стремясь подрасти, покрывается пылью,
трава - росой ,
души - памятью,
следы на песке - прибоем.

Я люблю исчерпывающие вопросы,
свет и тени,
свой голос, когда простужен,
на ткани – складки.
Капля воды, падая в лужу,
всегда попадает в десятку.

Здесь всё на волосок от счастья,
калибр шёпота, межжаберный зазор –
всё лишь инструментарий и, отчасти,
прозрачных троп присыпка – сор.

Любовь – мистерия грохочущих пылинок,
шестиглазый паук предчувствий,
жажда
падающих дождинок,
превращенье запястья – в устье.

Картофельным глазком мы вызреваем в вечность.
Шуршащим ворохом распахнутым цветов
всыпаемся,
журча гортанной речью,
миг – детство времени
и «дальше» нет у слов.

ПИКНИК В ЛЕСУ

Цветомузыка тени, податливый дым,
меланхолия хвои и запах сардин,
калибровка рассвета через зебру ресниц,
коли бровка не дрогнет –
не нужно синиц.

За окном дымно-синим покачивается рассвет,
мысли скользят, как на спицах связанный велосипед,
рыбам никто не может смотреть вслед.
Там, где есть время...
там просто чего-то нет.

Сыплются слёзы – грусть нерестится,
тонкие жала влажных ресниц дрожат,
не зная, кому приснится.
И поцелуев голодные птицы
превращают в поля – страницы.

Я – кленовый плавник, развившийся у божества –
конечность
для обитания в этих водах.
С глубиной нарастает невнятица –
куда ч е ш у я
и куда чешет Он,
мерцающий в звёздных сотах.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Капля сорвалась, и лужа моргнула
своим изумлённым огромным зрачком,
и тотчас твоё отраженье вспорхнуло,
а с ветки ворона слетела комком.

Плакать – лакать проёмчик русского языка,
всякий раз отлучаясь от телефонной трубки,
«тут» - «тут», - увлекают гудки
в татуированные промежутки.

Сладкий ожёг с кожей танцует вальсы,
поднёбная сушь речь повернула вспять.

Так песок проходит сквозь пальцы,
чтоб песком под ногами стать.

К счастью, мера здания кроется в пустотах комнат,
а не в количестве кирпичей,
а значит я, пусть не опресноком,
а скорее коржом из песочного теста,
буду жить в междухолмии плеч,
пока у тебя от меня
остаётся пустое место.

ЛЁГКИЕ ТАНКИ

*Эти стихи не увидят свет.
Они и есть свет.*

Сцепившись, звуки цикад
Охраняют ночь
От вторжений извне.

Клейкие листки поцелуев
Выдумывают корни,
И всё же – и всё же...

Пёрышко выбилось из перины,
Индеец сна сделал подарок.
Неведомо, сколько ему было вёсен...

Преломление света – насыщение глаз.
Пустая корзина становится полной,
Стоит лишь отвернуться.

Соты – глаз огромной пчелы.
Сладкие слёзы
Проливают сравненья;

Улюлюканье подъездной шпаны
Сливается со стрекотаньем кузнечиков.
До чего удивительны голосовые связки!

На тысячелистник
деловито взирает
сороконожка ::::::::::::::::::::

Устройство тем на «ты»
Светлее тем на «вы».
На чей теперь быть волосок от смерти?

Ссохнувшись, стала похожа на лодку корочка апельсина.
Увянув, цветы распускаются
пылью.

Молочные зубы рассвета хрумкают облака,
Я просыпаюсь
Сквозь пальцы.

Трамваи – городские водомерки,
Оставляют следы
на земле и на небе.

Звёзды.
Как ярко горят они
Днём?!

СНЬ!сл жизни – словно изморозь на стебле травы –
Тотчас рассыпается
От прикосновения.

Превращаясь в прозрачную сбрую,
Слёзы стекают.
Закусываю солёные удила.

Снеговерть опадает.
Усталость сменяется усталостью.
В нелётной погоде летят снежинки*

Снежинки – маленькие белые шестерёнки,
Падая, цепляются друг за друга.
Вот бы сверить часы с таким механизмом*

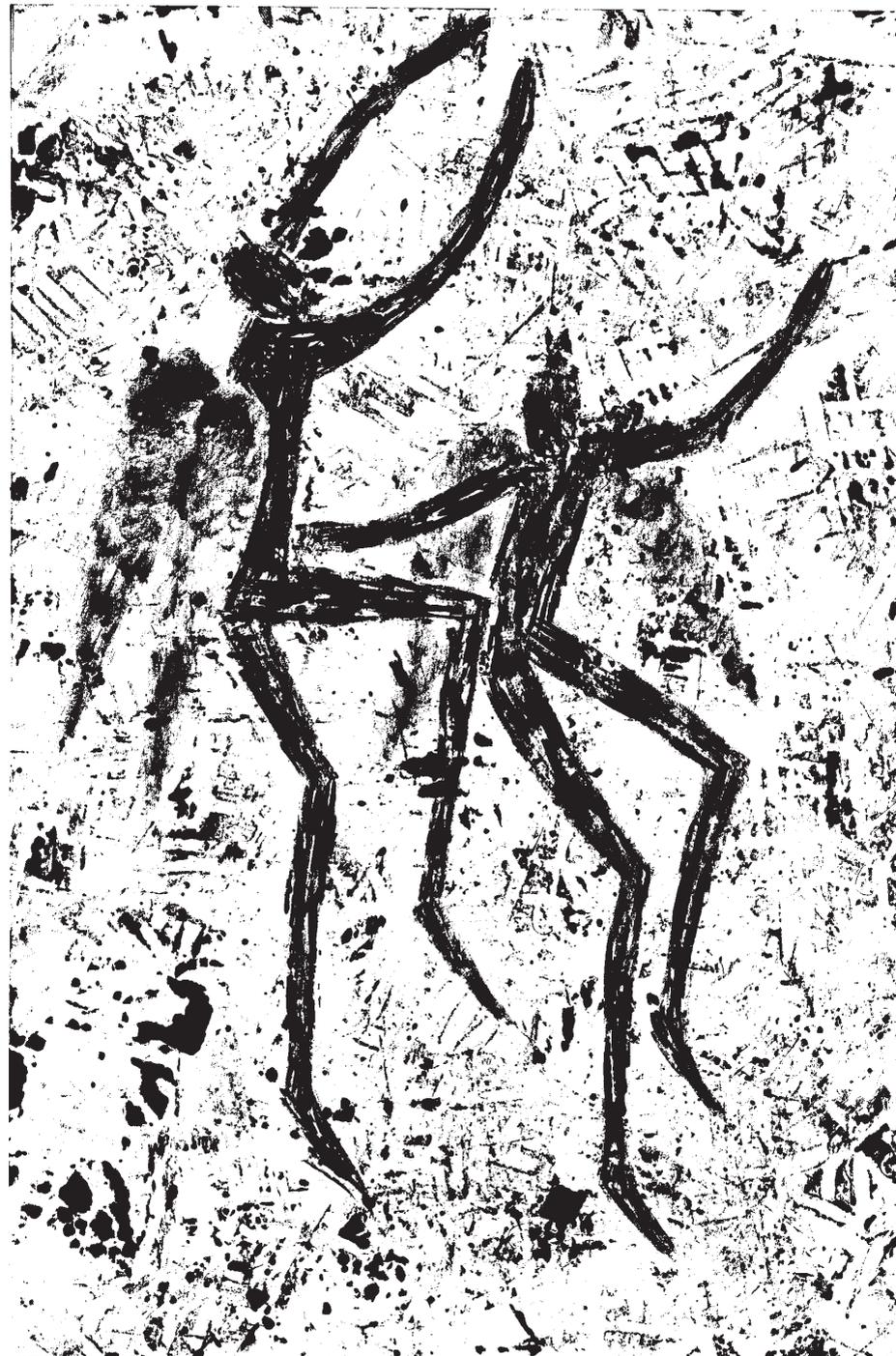
День склоняется к вечеру,
Память – к детству,
Мать – к колыбели младенца.

Вспенивается молоко
и изморозь на стекле.
Как хорошо, что успеваю заметить!

Я неловко шагнул,
И капнула с лепестка
Маленькая божья коровка,*

Солнечные лучи согревают лицо.
Твоих ладоней нежное прикосновение.
Из какой глубины приходит это тепло?

Полный участия ветер
Шевелит листву
У отломленной ветки.

На столе тугой узелок луковицы.
Кто развяжет его,
Не сможет слёз утереть рукой...

Отрезаю хлеб, появляются крошки.,. .. Двое
расстались,
Появилась судьба — .

Стечение обстоятельств
В воронку одной пылинки
Заставляет её колебаться.

Решкой упала,
Случайности в горстку собрав,
Стала богаче судьба.

Моё время
И стекло – одного поля я
Годы.

Темнота раскрывается вечером,
Свет – пшеничным снопом,
Двери домой открываются сами.

Луч, вползающий, как змея,
Легко
Не заметить.

Песочные часы – запаянные ампулки времени.
Бывший бархан или пляж
Станет ли снова собой?

Зеркальный лоскут,
Затерявшийся между гор,
Я с(озерцаю) (.)

Воздушный змей высоко,
Почти не видно –
Небо на поводке!

Водопроводный гул удаляется сквозь этажи.
Стихло.
Остались мокрыми руки.

Варёный рис – муравьиные личинки.
Какой аппетит
Разжигают сравнения?

Отгоняю воспоминания,
Руки пахнут страницами.
На огородное чучело садятся вороны.

Напряжёнno смотрю.
Птицы взлетели.
Тысячью глаз небо моргнуло.

Стыки обоев
Того же цвета, что
И бессонница — -

Моё представление о жизни
Разыгрывается
Под час.

Лампочка пережглась.
Я обернулся.
В ней отразилась комната.

Порывисто листая лужи, хлещет февральский дождь.
Удивительно!?!
На каждой странице его отражение.

Семечка на ковре кольнула ступню.
Задумался,
Так же ли больно земле?

Похожи на солнечные лучи трещинки на плите.
Они разбегаются и
Скоро коснутся меня.

Трогательные рассветы.
Приглядись,
На каждом из пальцев восходит луна.

Царство небесное зыбко.
Жидкими крыльями ангелов
Я умываюсь.

Мука просеивается сквозь сито,
Всеми свой дефис - и всё же -
Я не переношу тишину.

Отпечатки пальцев - крохотные мишени
Для наведения зрения.
Оставлены скульптором.

Дождь несёт околесицу,
Извивы воды на стёклах.
Каракули в детских рисунках.

Тёмную сторону памяти
Освещают приветливые
Лунки.

Дрожащие смерчки мошкары
Увиваются за пространством,
И оно скрывается из виду.

Где здесь неправда? -
Думал ребёнок,
Вытираясь вафельным полотенцем.

Не торопись,
Дай ране зажить,
Как она хочет

Слова сыпаются прозрачною чешуёй.
К рукам прилипают
Радужные пляски.

Слово раздалось, как листья в лесу.
Встрепенулись не смыслы,
Но промыслы.

Ликованье икон,
Вереницы мельканий,
Свечи трещат, как сороки.

Жужжит веретёнце,
Взгляд неподвижен,
Я развиваю скорость.

На дне реки
Пузырьки дыхания
Обряжают зрачками воду.

Бомбардировщики осени не в силах остановиться.
Лужи спокойны,
Ждут отразить нападение.

Прозрачные мошки, как мысли, суетятся повсюду,
Что глаз не открыть.
Утром от трупиков нежных станет скользкой дорога.

Без напряжения прозрачные бусинки катятся с нитки.
Это ль не чудо? Всё успевают
Небрежные воды дождя.

В весеннем саду сознания оказаться вонне пытаюсь.
Тщетно.
Везде поспекает зодчий.

Всё реже расчёска мыслей.
Последний зубец скажет:
“Не тронь”.

Стая птиц - чешуя лазури.
Перед кем же сейчас открыто
Поцелованное мной мгновенье?

Неустойчивой став,
Под бабочкиным крылом
Идёт муравьиная яхта.

Циркачи оккультных бесед
Не ведают, какие круги описывают
Вторые концы верёвок.

ВЕРЛИБРЫ

Я люблю держать слово,
Тесно прижав его к груди.

Я бегу по ступеням,
как бегунок на молнии.
И мир осыпается...

Если я замолчу,
камни будут продолжать говорить.
Если открою рот – он будет полон камней,
шуршащих, перекатывающихся и перегорланивающих друг друга.
Когда я подберу один из этих бульжников, лежащих на моём пути,
и сожму что есть силы,
моя ладонь будет мягкой на ощупь для этой твердышки,
потому как, где бы ни вошло солнце – это будет восток.

Как пыльца на насекомое,
на меня налипают строчки

Осока была в человеческий рост.
Но какое ей дело до нас?

Гусеница надежды,
куколкин кокон веры
И... прикосновение сачка

УМЕРШИМ СВОЕЙ СМЕРТЬЮ

Н. Гумилёву

Когда
столбик термометра стремительно скатывается в депо,
и пар, вырывающийся из глотки,
раздувает лёгкие,
но уже снаружи,
и все спусковые крючки завешаны пальцами,
глупо сетовать на недостаток внимания к своей
персоне,
особенно, если никто не зовёт по имени.
Но перед тем,
как безумные пчёлы сорвутся с жужжанием в тёплый
улей,
промелькнёт,
что, наверное,
сны и эти свинцовые плевочки отогреваются в
человеке,
пока он лупит по клавишам,
для звука которых
у него ещё не распустились уши.

ДИАЛОГ

- Почему он так напился?
- Ему нужно отвести душу.
- А как его зовут?
- Харон.

Да будет день!
Такой, что о нём захочется вспомнить
вечером,
в промежутке между восьмым и девятым часом –
в той области времени,
где всё становится важным,
и пули
аккуратно ложатся промеж уткой и
небом,
потому как всё происходит там –
в промежутках.
В промежутке рамы натюрмортный пейзаж
обладает всеми чертами портретного сходства
с залившимся смехом, держащим меня под руку.
В промежутке между двумя точками
рождается идея отрезка,
который
если поднести вплотную к глазам,
от прямой вовсе не отличим.
И в промежутке между двумя людьми
в тёплые края летят птицы,
в холодные – Ангелы.

Частенько через станцию промежутка
транзитом проезжает Бог, машет рукой из окна вагона
и шлёт потом телеграммы с видами
облаков, мутной речушки,
мягкой линии подбородка
или пухленькой детской ручки.
А иногда в этих межлюдных промежутках появляются города
и телефонные станции.
Так думала точка,
стоя в драповом пальто
в промежутке
отрезка улицы.

Твоя одинокость глядит в оба,
но жмурится от яркого света.
Мне говорили, что наши глаза похожи.

Между створками окна – игрушечный заяц
запрокинулся, смотрит вверх,
пыль покрывает его мелкой чернявой рябью,
как капельки пота,
проступающие от усталости оцепененья.

Сначала я затворил небо и землю.
Так, что теперь
вам виднее.

Когда висишь на Голгофе, весь мир – окрестность.

Если идти на свет – всегда обгоняешь тень.

Распускается ночь
и меж звёзд становится виден
пробивающийся к нам носорог.

Мелкий бисер тремя каплями слепленных муравьёв.
Журчащий шёпот земли.
Кропотливый узор пространства.
Опусти тростинку,
земное ядро окажется кислым на вкус.

Всё прорастает травой и прочей укоренившейся жизнью.
Лист бумаги, не занятый словом, покрывается ветками,
тонким переплетеньем лозы и сетчатым мхом.
Этот налёт ожиданья затягивает пространство,
в котором так и не зашуршала строчка.

Изношенное утро , не торопясь,
вставало на шесть своих тонких лапок,
покрывалось
невинным румянцем восхода.
Тихо заполняя спавшиеся сосудики неба,
проступала заря.
Но в какие-то секунды
(трудно вспомнить - в какие)
время притворяется мёртвым,
чтобы скрыться из виду.
Твои слова зажгли эту сферу. Тугая пощёчина.
Ты была безупречно мила и сделала всё,
чтобы расставанье не показалось
броским.

В мире всё больше поэтов,
и скоро можно будет сказать:
«Так же заметно, как тень».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мирнатянута, как капля.....	5
Внезапные заморозки, весенние всхлипы.....	6
День накренился и вытек.....	9
Утро створаживается в туман.....	10
Пустая трата времени.....	10
В другой части света.....	10
Рябь бежит, кажет рёбра влага.....	11
Пропусти мимо ушка и этунитку.....	14
Здесь сыплется труха воспоминаний.....	15
Превозмогая горечь утра, ты.....	16
“Любимая” — других координат не осталось во все.....	18
Ты помнишь — уллучив мгновенье.....	20
Муравьиною иноходью пробирается скороход.....	22
Шероховатый выстрел.....	23
Архитектура перелетов птичьих.....	24
На берегу себе воспоминаний.....	25
Всё густое.....	26
Канатоходец — телефонный голос не спугнёт тебя, ввалившись.....	29
Прогулка под руку.....	32
Я привык к отсутствию тебя.....	33
Когда такой туман на город.....	34
Поучение Красной Шапочке.....	35
Уравновесив шторы на гардине.....	36
У Сороко-Вороныя оказался пятым.....	37
Андалузский пёс.....	38
Твои письма доходят уже содышкой.....	39
Полвечер, черномазо шаркает карандаш.....	40
Суховей ожиданья сминает дорожные петли.....	42
В заречный край переметнувшись.....	42
Ночная изморозь трескучей шелухой.....	42
Спросонья.....	43
Метаморфозы озорных окраин.....	44

МАЛАЯ ТОЛИКА

Толилик, толилист.....	47
Тронь тропу, и она заскрипит калиткой.....	47
Наступают сумерки на всё остальное.....	47
Сны выстроены по страшенству.....	47
ПСИХОАНАЛИЗ МОРФЕЮ.....	48
Земля из-под ног уходит.....	48
Земля становится водою.....	48
Сердце бьётся раз в мгновенье.....	48
Мир летит божьей косточкой в лоболений.....	48
Дождь гладит лужу против шерсти.....	49
Стук сотен тополиных пяток.....	49
Стрекозы рассвета за створками окон.....	49
Вещь, стремясь подрасти, покрывается пылью.....	49
Я люблю исчерпывающие вопросы.....	51
Здесь всё на волосок от счастья.....	51
Любовь — мистерия грохочущих пылинок.....	51
Картофельным глазком мы вызреваем в вечность.....	51
Пикник в лесу.....	52
За окном дымно-синим покачивается рассвет.....	52
Сыплются слёзы — грусть не рестится.....	52
Я кленовый плавник, развившийся у божества.....	52
После дождя.....	53
Плакать — лакать проёмчик русского языка.....	53
Сладкий ожог кожей танцует вальсы.....	53
К счастью, мерздания кроется в пустотах.....	53

ЛЁГКИЕ ТАНКИ

Всему своё эхо.....	56
Книга на полках.....	56
Зрачок расширяется.....	56
Бабочку размалывают гусеницы.....	56
Иголка движется по спирали.....	56
Рассвет проступает, как назад проявившийся фотоснимок.....	56

Вода прибывает...	56
Грубое волокно – нити серого хлеба...	57
Дыхание на стекле...	57
Дождь – эхобожья грамматика...	57
Мы храбримся сначала времён...	57
Тронулся дождь...	57
Ты осматриваешься вокруг...	57
Полнолуние лимона в чае...	57
Сцепившись, звуки цикад...	58
Клейкие листки поцелуев...	58
Пёрышковые билось из перины...	58
Преломление света – насыщение глаз...	58
Соты – глазогромной пчелы...	58
Улюлюканье подъездной шпаны...	58
Натясячелистик...	58
Устройство темна “ты”...	59
Ссохнувшись, стала похожей на лодку корочка апельсина...	59
Молочные зубы рассвета хрумят облака...	59
Трамвай – городские водомерки...	59
Звёзды...	59
СНысл жизни – словно изморозь на стебле травы...	59
Превращаясь в прозрачную сбрую...	59
Снеговерть опадает...	60
Снежинки – маленькие белые шестерёнки...	60
День склоняется к вечеру...	60
Вспенивается молоко...	60
Я неловко шагнул...	60
Солнечные лучи согревают лицо...	60
Полный участия ветер...	60
На столетугой узелок луковицы...	62
Отрезаю хлеб, появляются крошки...	62
Стечение обстоятельств...	62
Решкой упала...	62
Моё время...	62
Темнота скрывается веером...	62
Луч, вползающий, как змея...	62
Песочные часы – запаянные ампулки времени...	63

Зеркальный лоскут...	63
Воздушный змей высоко...	63
Водопроводный гул удаляются сквозь этажи...	63
Варёный рис – муравьиные личинки...	63
Отгоняю воспоминания...	63
Напряжённо смотрю...	63
Стыки боев...	64
Моё представление о жизни...	64
Лампочка пережглась...	64
Порывисто лужа, хлещет февральский дождик...	64
Семечка на ковре кольнула ступню...	64
Похожина солнечные лучи трещинки на плите...	64
Трогательные рассветы...	64
Царство небесное зыбко...	65
Мука просеивается сквозь сито...	65
Отпечатки пальцев – крохотные мишени...	65
Дождь несёт окошечку...	65
Тёмную сторону памяти...	65
Дрожащие смерчки и мошкары...	65
Где здесь неправда?...	65
Не торопись...	67
Слова сыплются прозрачную чешуёй...	67
Словом раздалось, как листья в лесу...	67
Ликованье икон...	67
Жужжит веретёнце...	67
Над рекой...	67
Бомбардировщики осени не в силах остановиться...	67
Прозрачные мошки, как мысли, суеются повсюду...	68
Без напряжения прозрачные бусинки катятся снитки...	68
В весеннем саду сознания оказаться ввне пытаюсь...	68
Всё режет расчёска мыслей...	68
Стая птиц – чешуя лазури...	68
Неустойчивой став...	68
Циркачи оккультных бесед...	68

ВЕРЛИБРЫ

Я люблю держать слово...	71
Я бегу поступениям...	71
Если замолчу...	72
Как пыльца на насекомое...	73
Осока была в человеческий рост...	73
Гусеница надежды...	73
Умершим своей смертью	74
Диалог	75
Да будет день!	77
Твоя одинокость глядит воба...	79
С кем сравню того, кто бросает семена на иссохшую почву?...	79
Между створками окна – игрушечный заяц...	80
Сначала я затворил небо и землю...	81
Когда висишь на Голгофе, весь мир – окрестность...	81
Если идти на свет – всегда обгоняешь тень...	81
Мелкий бисерт тремя каплями слепленных муравьёв...	82
Всё порастает травой и прочей укоренившейся жизнью...	83
Распускается ночь...	83
Изношенное утро, неторопясь...	85
Оседают седая пыль на тронутом солнцем стекле...	85
В мире всё больше поэтов...	86